

Подлинный лик обновленчества

Передо мною только что полученные №№3–8 «Вестника Св. Синода Православной Российской Церкви» (обновленческого) от сего года.

Главное содержание этих номеров составляют обзоры и статьи идеологического содержания, посвященных 5-летнему юбилею обновленчества. Основным лейтмотивом всех этих статей можно назвать все более усиливающуюся ненависть и злобу против «тихоновцев». Хотя в №3, объявляя о своем намерении созвать в конце текущего года новый собор, на который они приглашают Восточных патриархов, подчеркивается готовность Синода представить свое дело на высший суд Православной церкви. Хотя обновленцы говорят, что целью этого собора должно быть «окончательное полное примирение с той частью русской церкви, которая в последние 4 года находится в церковном разделении, весьма пагубном и плачевном», - все же весь тон всех их заявлений и писаний явно противоречит этому стремлению и примирению. Напротив, в отделе борьбы с сектантством, борьбе с «тихоновщиной» или «староцерковничеством» отведено не последнее место.

Один из главных идеологов обновленчества проф. Зарин в своей статье «Идеология обновленчества» говорит: «Господь принес на землю идеал небесной жизни, - а некоторые поняли и приняли это так, будто бы он пришел для того, чтобы оторвать людей от земли и перенести их на небо. Оторвать от земли... но ведь Христос Спаситель ясно сказала, что Он пришел для того, чтобы *на земле* прежде всего создать Царство Божие, чтобы *на земле* именно осуществить волю Божию». И далее: «Люди забыли, что нельзя оглядываться назад... что все лозунги революции, это равенство и братство, проистекают из вечного идеала Христовой правды... И когда говорят о том, что на соборе 1923 года совершилось оправдание социальной революции, что в этом было какое-то преступление, измена Евангелию, то так говорят те, кто совершенно не знает силы слова Божия... *В этом отношении* у нас глубокое расхождение со староцерковниками, и всякий честный человек видит, где правда. Мы смотрим на усовершенствование

общественных отношений, внутренне-сердечно благословляя их прогресс, и говорим, что люди, улучшающие эти отношения, не суть враги Христовы». А вот цитата из статьи «митрополита» Введенского «К празднику нашего дела»: «Если собор 325 года является основоположником догматов *мысли*, то собор 1923 года является основоположником догматов *жизни*. Собор этот принял формулу: «*служение капитализму есть смертный грех*». Трудно найти надлежащие слова, для того, чтобы оценить бессмертную значимость этого положения. Христос пришел установить на земле единое братство; все вы братья, один у нас отец – Бог... Между тем христианская церковь благословила капитализм. Я напомню, что современный фашизм – это политическое хулиганство наших дней, - своим символом взял – страшно сказать – крест! Тихоновщина, преступным безмолвием, а нередко прямым потакательством, покрывает это мировое предательство дела Христова».

Архиепископ Николай Платонов в статье «Пять лет» говорит следующее: «Если лучшие сыны Церкви давно хотели обновления Церкви во многих отношениях, то для перехода от пожеланий к делу нужно было оторвать Церковь от той социальной среды, которая втягивала ее в свое капиталистическое болото, и почти ее поглощала. Орудие для этого отрыва – лозунг: «Правда социальной революции»... – Суть разделения с тихоновцами, – продолжает он, – и сейчас, как и в 1922 году, – в отношении к социальной революции, ко внутренней ее сущности. Даже не *в отношении к власти*: о лояльности к последней готовы заявлять – м.б., и с искренностью, – староцерковники.

Проф. Титлинов в статье «Пять лет борьбы за церковное обновление» идет еще дальше. По его мнению, уже не одни тихоновцы, а вся русская Церковь, с самого момента своего возникновения, шла по неправильному пути: «С самого начала своего существования русская Церковь, можно сказать, развивалась в условиях нездоровых. Из средневековой Византии, Византии «тяжелых веков» мы получили Христианство, потускневшее от всевозможных жизненных наслоений... Нашей христианской матерью была

обмирщенная византийская церковность, утратившая давно прелесть чистого религиозного обаяния... Рука об руку с обрядоверием развивается и монашеский уклад русской церковности. Когда религия сводится к внешним благочестивым упражнениям, монашеский подвиг становится особенно соблазнительной панацеей религиозного спасения». Вообще, монашество – это то, на что обновленцы нападают с особенным ожесточением, т.к. монашество «всю цель и весь смысл своей жизни видит – говоря словами митрополита Сергия Нижегородского – за гробом, а не здесь», а обновленцы всецело устремлены к земле. Их идеал – социальная правда, прогресс, гуманизм. Они с ужасом отворачиваются от всего того, что имеет какое-либо отношение к подвигу или аскетизму: в их мирозерцании нет места благодати Божией (зато они об ней говорят).

Ясно, что изложенное мирозерцание обновленцев в корне своем противоречит всякому православному христианскому мирозерцанию. Обновленцы это не могут не чувствовать, и отсюда их злоба. В одном из своих бюллетеней они так характеризуют деятельность «тихоновцев»: ??? ты говорят о том, что руководители староцерковников не ведут никакой положительной работы, если не считать того, что они сейчас все внимание направляют на «мистическое гипнотизирование» масс. Крайность религиозно-мистических настроений среди руководителей тихоновщины берут сейчас верх. Создается подпольная, мистически настроенная, фанатичная религиозная организация, с тайными монашескими постригами (Ленинград), с невидимыми, но всеильными штабами (Москва); для народа продолжают переосвящения, перерукоположения, церемонии публичных раскаяний... Группа митрополита Сергия культивирует тайное «старчество», связывая отдельных лиц (духовенство и мирян) клятвенными подписками о «послушании, даже до смерти», создает организацию, которая приобретает исключительное и самодовлеющее значение, устами старцев – иной раз 30-летнего возраста, недавно принявших священство, из бывших офицеров и др. сословий (в Москве) – определяя, кому из епископов можно повиноваться,

кому нет, распоряжаясь судьбой священников и пр.». Эти слова ярко свидетельствуют о той духовно напряженной атмосфере, в которой живет наша «тихоновская» Церковь, когда действительно часто необходим бывает особый дар прозорливости, «различения духов», чтобы отличить вкравшегося в стадо Христово волка в овечьей шкуре. Проф. Покровский в своей статье «Два раскола: тихоновщина и донатизм» рисует нам следующую чрезвычайно яркую картину: «Нашатихоновщина воинствует еще, как известно, и сильною монашествующей ратью. Последняя рекрутируется из рядов б. насельников наших мужских и женских монастырей, упраздненных советской властью, как раз перед самым возникновением тихоновщины. Худшие из этих чернецов и черничек, которые не захотели или не смогли приспособиться к какому-либо мирскому, полезному труду, сделали из пропаганды тихоновщины свой новый, выгодный для них промысел, каким они и кормятся, сбивая с толку простодушных обывателей. Герои темной веры в большинстве и сами выходцы из недр той же темной невежественной массы, лишь нахватавшиеся внешнего показного благочестия, миссионеры этого типа всегда имели большой успех в народных массах. Теперь же они окружены ореолом страдальцев за веру, как изгнанники, разрушенных властью, но весьма почитаемых народом, монастырей, преуспевают еще больше, и за ними идут, как простодушные слепцы по вере, так и все униженные и обиженные новым политическим режимом – бывшие чиновники, помещики, военные и полицейские чины, торговцы, деревенские кулаки и т.п. Наше темное, в большинстве еще безграмотное, крестьянство и вообще простонародье совершенно еще неспособно к самостоятельной критике в вопросах религии и веры, а потому и слепо идет за тихоновскими вождями, ловко играющих на струнах его консервативных привычек».

Злоба автора к тихоновцам доходит до того, что он не останавливается даже перед очернением страдальцев и исповедников веры: «Тихоновщина, как известно, склонна больше нарушать, чем исполнять направленные

относительно нее распоряжения сов. власти. А те законные репрессии, тюрьмы и ссылки, которые обычно следуют в результате такого поведения, не только не останавливают и не устрашают тихоновцев, но, наоборот, часто подстрекают и манят к себе, как почетный для них ценз и награда... У нас в тихоновщине немало подобных элементов, которые вызывают власть на применение к ним репрессий и используют эти репрессии как почетный ценз страдальцев за веру, дающий им, помимо морального влияния и почета, и обильный приток материальных средств. Словом, спекуляция на оппозиции власти и на тюремном цензе – один из самых излюбленных приемов в тактике нашей тихоновщины». К этому злобному очернению наших страдальцев присоединяется и архиепископ Николай Платонов (в выше нами приведенной его статье). Он говорит: «Нам хочется уяснить, что то «стояние за веру», то «исповедничество, которым так хвалятся наши противники, есть лишь то новое средство, которым старая иерархия пытается поддержать авторитет в массах».

Последний из полученных номеров рассматриваемого журнала содержит послание Синода «по вопросу личности и деятельности митрополита Сергия, возглавляющего староцерковническую группировку, с приложением документов за подписью м. Сергия об образовании при нем временного патриаршего Синода. Обновленческое послание содержит, прежде всего, целый ряд выпадов против личности митр. Сергия; далее говорится: «Теперь место заместителя блюстителя патриаршего престола, с молчаливого согласия далеко не всего епископата, при явном противодействии епископов, признающих ВВЦС, занял м. Сергий. Это обстоятельство, как будто, мешает дать староцерковникам место положительное. По крайней мере, м. Сергий употребляет все усилия для укрепления своей самодержавной власти и расшатанного церковного строя. Ему, как известно, каким-то путем удалось учредить синод, хотя и довольно оригинальный: не как высший орган, но как подсобное при м. Сергии учреждение, права и власть которого всецело зависят от него. Чего же можно

ждать от м. Сергия, который, несмотря на свой почтенный возраст, сан и солидный диплом ученого богослова, в прошлом отличался только изумительной неустойчивостью. При его талантливой приспособляемости, можно сказать с уверенностью, в среде им руководимых начнется распад, чем при ком бы то ни было. Несомненно и в дальнейшей своей деятельности он будет приспособляться. По приспособляемости же он спешит теперь догнать час в решении тех церковных вопросов, вызываемых жизненной необходимостью, которые решены нами еще в 1922 году». Эти, особенно ожесточенные нападки на личность митрополита Сергия являются очень ценным показателем его популярности среди православного населения.

Очень много места уделено спорам между иерархами, сторонниками митр. Сергия и так называемыми григорьевцами, - сторонниками ВВЦ... Обновленцы стараются доказать, что тихоновщина распадается на множество враждующих между собой группировок, но факты, приводимые ими, показывают, что единственным, общепризнанным авторитетом в России продолжает оставаться митр. Сергий.

Наконец, что заставляет обновленцев подлинно ликовать и трубить победу, это переход к ним тихоновского епископа Сергия Туркестанского. Из помещенных в №№4 и 8 статьи и проповеди епископа Сергия ясно видно, что его переход не может быть рассматриваем как потеря для Церкви. Вот, например, его слова: «Начавшееся у нас новое церковное движение Живая Церковь вылилась, поначалу, в бурный протест против наиболее досаждавших исторических форм русского Православия. Я разумею здесь монашествующий самодержавный епископат, монастыри, мощи и т.д. Новое движение было несомненно сдвигом церковного православного сознания в сторону освобождения нашей Церкви от тех сторон и явлений, которые должны быть признаны не более как мертвыми пережитками прошлого, пустыми, бессодержательными формами. Новое церковное движение в нашей Церкви, названное обновленчеством, и есть грандиозная попытка вернуть течение церковно-православной жизни в животворное русло

Евангелия, выведши его через сооруженные каналы, из исторической трясины византийского направления». И в другом месте: «Как гражданин, я принадлежал и принадлежу новой России, новой истории... Я благословляю и лобызаяю все те политические и социальные завоевания и блага, которые получил наш народ за последнее десятилетие, – свобода, избавление из политического и социального плена, в котором русский народ пребывал веками, – как все это возвышенно и ценно».

Как контраст к этому грустному подхалимству (иначе нельзя назвать вышеприведенные слова), мне хочется указать на личность стойкого и мужественного исповедника Православия, митрополита Иллариона, воспоминание о котором приводится в том же номере в заметке епископа Курского Гервасия (рenegат) под заглавием: «Одна из прежних попыток староцерковников к примирению со Св. Синодом РПЦ». Вот что там говорится: «В 1925 году, в первых числах октября, я случайно встретился на прогулке по двору, в Ярославской тюрьме «Коровники», с архиепископом Илларионом (Троицким). Он меня узнал и удивился, зачем я попал в тюрьму. У нас с ним зашел спор по вопросу о «живой церкви». Он мне сказал: – Зачем вы отошли от патриарха Тихона и нарушили ту клятву, которую вы давали при хиротонии в епископа, что ничего общего не будете иметь с т. наз. живой церковью? Вы отпали от Церкви.

– Это неправда, - сказал я, - я был в Церкви Христовой и остался в ней по сие время, а вот вы – тихоновцы – фактически отпали.

Восточные патриархи не с вами, а с нами.

– Какие мы «тихоновцы», - заговорил архиепископ Илларион, - что вы треплете имя покойного святит. патриарха Тихона? мы православные... Обновленцы врут, Введенский ваш изолгался. Ведь я с ним на диспутах в Москве выступал, я его к стенке прижимал, мне все их хитрости прекрасно известны.

Далее из уст староцерковного архиерея полились нелестные реплики по адресу обновленцев. Мне не пришлось с Илларионом долго беседовать,

потому что я тюремной администрацией был отозван и тут же освобожден из тюрьмы. Только на прощание мне сказал архиепископ Илларион: «Я скорее сгнию в тюрьме, но своего направления не изменю».

На этом мне хочется закончить мой беглый обзор вышеупомянутых номеров журнала.

Париж

Ю. Арсеньев